

«УТВЕРЖДАЮ»

Директор ИИМК РАН

В. А. Лапшин

6 июня 2018 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации — Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт истории материальной культуры Российской Академии наук»

на диссертационную работу **Балахванцева Арчила Савелича** по теме: «Политическая история ранней Парфии», представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.03 — Всеобщая история (Древний мир)

Диссертационное исследование А. С. Балахванцева тематически подготовлено в русле важного направления в отечественной исторической науке, возникшего в 1930-х — 1940-х гг., которое комплексно изучает историю и культуру Парфянского царства Аршакидов — одного из крупнейших государственных образований Древнего мира в эллинистическую и позднеантичную эпохи. В разработку данной проблематики огромный вклад внесли советские и российские археологи и историки: М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова, А. А. Марущенко, А. Г. Бокщанин, Г. А. Кошеленко, В. Н. Пилипко, В. М. Массон, В. А. Гаибов, А. Н. Бадер и др.

Представленная диссертация посвящена весьма актуальной для современной исторической науки проблеме — попытке реконструкции на основе привлечения всех имеющихся на сегодняшний день категорий источников самого раннего периода парфянской политической истории, когда и происходит становление будущей «мировой» империи Аршакидов, которая в конце I тыс. до н. э. — начале I тыс. н. э. была равна в своем могуществе Риму, ханьскому Китаю и государству Кушан. В своей работе А. С. Балахванцев демонстрирует очень хорошее знание источников по выбранной им теме исследования — сведения античной письменной традиции и археологических материалов, а также современной историографии. Он тщательно анализирует сообщения греческих и латинских авторов и разнообразные эпиграфические материалы, уделяет большое внимание археологическим, включая нумизматические, находкам и в доступной мере привлекает природно-географические характеристики рассматриваемых в его работе территорий. Автор предлагает новые подходы к анализу и интерпретации источниковой базы, смело вступает в дискуссии с признанными авторитетами в области изучения иранских древностей, зачастую серьезно критикуя их точки зрения на различные вопросы истории и культуры Парфии и выдвигая взамен свои собственные решения. В результате перед нами предстает совершенно новый вариант раннепарфянской истории, отличный от всех предыдущих. Таким образом, актуальность и научная новизна диссертации А. С. Балахванцева не может вызывать никаких сомнений.

Структура рецензируемого труда вполне четкая и ясная. Не останавливаясь подробно на всем ее содержании, заострим внимание на отдельных, заслуживающих особого внимания, аспектах этой работы. Абсолютно логично наличие в тексте специальной главы, посвященной исторической географии и природно-географическим условиям областей Юго-Западного Туркменистана и Северо-Восточного Ирана, где

зародилось государство Аршакидов («Глава 1: Парфия: Земля и климат»). Она позволяет достаточно наглядно представить природно-географический фон событий, связанных с образованием Парфянского государства.

Исключительно важна для понимания историко-культурного контекста этого процесса глава 2 («Среднеазиатские дахи в V–III вв. до н. э.»), в которой автор детально исследует историю дахов (даев) — конфедерации кочевых ираноязычных племен, обитавших в степном ареале между Южным Приуральем, Прикаспием и Приаральем, движение в южном направлении одного из которых — апарнов — сыграло ключевую роль в возникновении Парфянской державы. В этой главе дана наиболее обстоятельная на сегодняшний день интерпретация истории дахских племен в свете дошедших до нас сведений античных авторов и добытых археологами артефактов. В данной связи следует особо отметить, что при рассмотрении соответствующих данных из греческих и латинских источников диссертант совершенно справедливо отдает предпочтение традиции Страбона и Трога/Юстина, которая восходит к «Парфянской истории» Аполлодора из Артемиды, а не более поздней традиции, восходящей к «Парфянской истории» Флавия Арриана. С точки зрения анализа А. С. Балахванцевым археологических материалов, весьма интересной выглядит его мысль о том, что миграция дахов в сторону оазисов Северо-Восточного Ирана в начале III в. до н. э. стала следствием давления на них со стороны Хорезма.

Автор диссертации следующим образом трактует события, связанные со вторжением апарнов во главе с вождем Аршаком (будущим первым парфянским правителем Аршаком I) в Парфиену и его последствиями (глава 4, § 3, главы 5 и 6). Объединив апарнов под своей властью около 240 г. до н. э., Аршак покоряет эту область около 238 г. Однако к 230 г. он теряет контроль над ней в результате карательной экспедиции селевкидского царя Селевка II Каллиника. Тем не менее, в 217 г. Аршак

вновь захватывает Парфиену (как и другие селевкидские земли вплоть до Каспийских Ворот), не сумев, впрочем, овладеть ее главным городом, располагавшемся на месте городища Старая Ниса близ Ашхабада в Южном Туркменистане. Заметим, что эта теория, хотя и не выглядит во всем безупречной (о чем будет специально сказано ниже), отличается значительной новизной в сравнении с другими имеющимися реконструкциями политической истории ранней Парфии.

Заслуживает пристального внимания обстоятельная дискуссия о селевкидском сатрапе Парфиены Андрагоре (глава 4, § 2 и приложение 4), в ходе которой диссертант приходит к заключению, что упомянутый Трогом/Юстином Андрагор вовсе не провозглашал свою независимость от Селевкидов, а информация о его мятеже является ничем иным, как результатом небрежного сокращения Юстином «Филипповой истории» Помпея Трога. Основываясь на тщательном анализе всех известных на сегодняшний день монет с именем Андрагора, А. С. Балахванцев предполагает, что они были чеканены в Бактрии в конце IV в. до н. э. Такой вывод представляется интересным, хотя и не бесспорным, но в любом случае необходимо отметить очень добротное знание литературы по данной проблеме, продемонстрированное автором диссертации.

В дискуссии относительно раннепарфянской хронологии (с. 175–186) диссертант, на наш, взгляд, правильно отвергает т. н. высокую хронологию, т. е. отнесение возникновения Парфянского государства уже к 247 г. до н. э.. То же самое следует сказать и об его утверждении, что основатель династии Аршакидов Аршак I «всеми способами подчеркивал свой кочевническое происхождение и культурную идентичность» (с. 235).

Разумеется, список достоинств диссертация А. С. Балахванцева далеко не ограничивается приведенными выше примерами. Но как и любая другая новаторская исследовательская работа, она не является свободной от критических замечаний. Начнем с того, что трудно согласиться с

автором относительно идентификации реки Ох, вдоль которой, согласно Страбону (XI, 9, 2), кочевали апарны и откуда они вторглись в Парфиену, с рекой Атрек в пределах Северо-Восточного Ирана и Юго-Западного Туркменистана. Вероятнее всего, Ох соответствовал Узбою — древнему руслу Амударьи, протянувшемуся по территории Северо-Западного Туркменистана от Сарыкамышской впадины до Каспийского моря, тем более что это согласуется с другим сообщением Страбона (XI, 11, 5) о наличии поблизости Оха масляных (нефтяных) источников¹. К тому же еще в 1830-е гг. местность, прилегающая к северному берегу Красноводского залива, носила у туркмен название Ох или Оог², что вряд ли можно объяснить простым совпадением. Но, главное, предположение о тождестве Оха и Узбоя находит свое подтверждение в открытии Х. Ю. Юсуповым на Узбое нескольких насыпных курганов со специфическим устройством могил: камерой-катакомбой в южной торцовой стене входной ямы-дромоса³. Такие же курганные погребения были раскопаны А. А. Марущенко в подгорной полосе Копет-Дага и А. М. Мандельштамом в Ходжакалинской долине, на правом берегу Сумбара и у Больших Балхан. Все эти захоронения относятся к античному времени и с достаточной долей уверенности могут быть атрибутированы апарнам-дахам. Отождествление реки Ох с Узбоем, а не с Атреком, представляется гораздо более логичным с точки зрения историко-географического контекста наступления апарнов на Парфиену: так они

¹ Юсупов Х. Ю. Древности Узбоя. Ашхабад, 1986. С. 185; см. также: *Olbrycht M. J. Some Remarks on the Rivers of Central Asia in Antiquity* // *Gaudeamus igitur*: Сборник статей к 60-летию А. В. Подосинова. М., 2010. С. 302–309.

² См.: Берг Л. С. История исследования Туркмении // Туркмения. Т. I. Л., 1929. С. 75, 102.

³ Юсупов Х. Ю. Исследование курганных памятников вдоль Верхнего Узбоя весной 1973 г. // *Успехи среднеазиатской археологии*. Вып. 3. Л., 1975. С. 51; *он же*. Результаты археологических работ в Северо-Западной Туркмении весной 1971 г. // *Каракумские древности*. Вып. V. Ашхабад, 1977. С. 212–131; *он же*. Результаты археологических работ в Северо-Западной Туркмении весной 1973 г. // *Каракумские древности*. Вып. VII. Ашхабад, 1978. С. 59–61.

двигались по кратчайшему маршруту — с севера на юг; в противном же случае апарны должны были сначала пройти мимо (?) Парфиены в Северную Гирканию и уже оттуда, т. е. с юго-запада, атаковать эту область.

В главе 6 диссертант говорит о втором, окончательном, завоевании Парфиены в 217 г. до н. э., что не находит сколько-нибудь надежной поддержки в наших источниках. Слабость этой теории заключается в том, что ее автор по сути помещает рядом смерть греко-бактрийского царя Диодота II (около 225 г. до н. э.), приход к власти в Бактрии Евтидема и предполагаемое вторжение Аршака в Парфиену в 217 г. до н. э. Такая реконструкция включает в себя слишком много спекулятивных допущений и не может быть принята. В частности, получается, что если бы Аршак I действительно окончательно покорил Парфиену только в 217 г. и умер, согласно автору диссертации, в 214 г. (с. 235), то он в таком случае имел бы всего лишь три года для реализации своей обширной программы по строительству городов и крепостей, а также для проведения других серьезных мероприятий по укреплению парфянской государственности, о чем сообщают Трог/Юстин и Аммиан Марцеллин. А это представляется маловероятным.

Кроме того, А. С. Балахванцев полагает на основании находки в Старой Нисе двух свинцовых тетрадрахм Антиоха III, датированных 211 г. до н. э., что в 217–211 гг. этот город продолжал оставаться под селевкидским контролем (с. 262). С методологической точки зрения такой вывод выглядит сомнительным: сами по себе, без дополнительных свидетельств, эти две монеты не могут служить решительным доказательством выдвинутого предположения. Да и вообще трудно представить Старую Нису в то время независимым от Аршака островком в пределах всей подчиненной ему области.

Полемизируя со сторонниками т. н. высокой парфянской хронологии (и справедливо ее опровергая), автор диссертации утверждает, что «ахиллесовой пятой» ее сторонников «является игнорирование того бесспорного обстоятельства, что успешное завершение Второй Сирийской войны позволило бы Антиоху II в 253–246 гг. до н.э. без труда отразить любое покушение на восточные владения Селевкидов» (с. 184). Однако это утверждение вовсе не выглядит убедительным в свете того факта, что Антиох II после 253 г. до н. э. был вовлечен в события, происходившие в Западной Анатолии и приэгейском регионе Малой Азии и поэтому не мог тогда проводить активную политику в северо-восточных сатрапиях.

Вопреки мнению диссертанта (с. 196), дахи, сражавшиеся на стороне Антиоха III в битве при Рафии в составе многонационального 5-тысячного корпуса, возглавляемого македонцем Биттаком (217 г. до н. э.), вряд ли были легковооруженными пехотинцами, тем более что наш источник Полибий говорит только об их легком вооружении (V, 79, 3; ср.: 82, 10). Отличные конные бойцы, дахи в составе корпуса Биттака, скорее всего, формировали отдельный контингент легкой кавалерии.

Продолжая тему военной истории дахских племен, укажем, что в примеч. 218 на с. 196 диссертации ее автор пишет: «Надо заметить, что не только письменные, но и археологические источники (см. выше, глава 2) не подтверждают точку зрения... о существовании у парфян катафрактов уже в III–II вв. до н. э.» Но так ли это? На первый взгляд, казалось бы, мы и в самом деле впервые слышим о парфянских катафрактах — тяжеловооруженных конных пикейщиках — только в сообщениях греко-латинских источников о знаменитой битве при Каррах в 53 г. до н. э. Впрочем, данный факт легко объясним: это был вообще первый серьезный римско-парфянский военный конфликт, до этого Парфия, скажем так, не пользовалась большим вниманием со стороны античной письменной традиции. В то же время та же традиция (Полибий, Тит Ливий)

определенно указывает на присутствие катафрактов в составе селевкдских вооруженных сил, начиная с 200 г. до н. э., причем единственным источником их появления там могла быть только Парфия, с которой Селевкиды неоднократно воевали в последней трети III в. до н. э. — при Селевке II и Антиохе III⁴. По всей вероятности, парфяне также повлияли на появление этого рода кавалерии в армии армянского царя Тиграна II, который выставил катафрактов против римлян в битве при Тигранакерте в 69 г. до н. э. До своего воцарения в Армении Тигран, как известно, находился в молодости заложником при дворе Аршакидов и поэтому прекрасно знал парфянское военное дело.

В свою очередь, закованная в доспехи конница катафрактов была изобретена кочевыми народами Средней Азии на основе опыта их поражений от армии Александра Македонского в 331–327 гг. до н. э. Для того чтобы эффективно противостоять греко-македонской фаланге в дахо-массагето-сакской среде на рубеже IV–III вв. до н. э. зародилась качественно новая тактика боя с использованием значительной массы легковооружённых конных лучников и сравнительного небольшого контингента тяжеловооруженных пикейщиков-катафрактов. Оба эти рода кавалерии действовали в сражениях только в строго скоординированном взаимодействии. Апарны принесли это новшество в Северо-Восточный Иран, и оно затем легло в основу парфянского военного искусства. Тактика с использованием катафрактов обеспечивала парфянам победы в боях с хорошо организованной тяжелой пехотой эллинистических государств, а впоследствии и Рима (самый яркий пример — битва при Каррах в 53 г. до н. э.). Без такого военного превосходства, естественно, было бы немыслимо само установление Аршакидами политического

⁴ Подробно см.: *Mielczarek M. Cataphracts — a Parthian element in the Seleucid art of war // Electrum. Vol. 2. Kraków, 1998. P. 101–105.*

контроля над теми многочисленными странами и народами, которые были включены в состав их империи во II в. до н. э.⁵

Теперь что касается декларированного А. С. Балахванцевым отсутствия археологических свидетельств о существовании парфянских катафрактов в III–II вв. до н. э. Здесь можно согласиться только в отношении прямых доказательств, тогда как косвенных в нашем распоряжении имеется вполне достаточно. Прежде всего, это уникальное изображение всадника, облаченного в доспехи вместе со своим конем, на фрагменте керамической фляги III в. до н. э. из Хумбуз-Тепе в Южном Хорезме⁶. В круглом погребальном сооружении на городище Чирик-Рабат в Приуралье вместе с другими предметами вооружения знатного конного воина конца IV–III в. до н. э. было найдено панцирное снаряжение⁷. Наконец, из арсенала середины II в. до н. э. на городище Ай-Ханум в Северном Афганистане происходят доспехи сакского (?) катафракта, служившего в греко-бактрийской армии⁸. Не будет большой натяжкой предположить, что нечто подобное могло иметь место в ту же самую эпоху и в парфянской армии.

Сказанное выше в том числе имеет своей целью побудить диссертанта к проявлению в будущем большего внимания и интереса к собственно

⁵ См.: *Nikonov V. P. The Armies of Bactria, 700 B.C. — 450 A.D. Vol. 1. Stockport, 1997. P. 20–23.*

⁶ *Мамбетуллаев М. Рельефное изображение всадника на керамической фляге из Хумбуз-Тепе // Советская археология. 1977. № 3. С. 278–281, рис. 1; он же. Хумбузтепе — керамический центр Южного Хорезма // Археология Приаралья. Вып. II. Ташкент, 1984. С. 30, рис. 7.*

⁷ *Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. С. 148, 150, рис. 82, а–г; Трудновская С. А. Круглое погребальное сооружение на городище Чирик-Рабат // Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 6. М., 1963. С. 201–213.*

⁸ *Bernard P. Campagne de fouilles 1978 à Ai Khanoum (Afghanistan) // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Paris, 1980 (Avril — Juin). P. 455–457, fig. 10–12; Bernard P. et al. Campagne de fouille 1978 à Ai Khanoum (Afghanistan) // Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient. T. LXVIII. Paris, 1980. P. 60–62, pl. XXXVII, a, b; XXXVIII, a, b.*

военным вопросам, которые зачастую могут дать ключ к решению важных проблем невоенного характера.

В тесной связи с вопросом о катафрактах у апарнов и в парфянской армии, которые набирались в основном из представителей мелкой родовой знати, находится вопрос о том, существовало ли в дахском обществе накануне завоевания апарнами Парфии имущественное и социальное неравенство. А. С. Балахванцев отвечает на него сугубо отрицательно (с. 230–231) и пытается обосновать свою позицию наблюдениями археологического порядка, а именно отсутствием среди погребальных комплексов, надежно атрибутируемых апарнам, элитных (богатых) захоронений. Согласиться с такой точкой зрения сложно, поскольку все известные по публикациям в научной печати апарнские погребения были либо ограблены еще в древности, либо дошли до нашего времени в сильно разрушенном состоянии. Более того, сам диссертант отмечает, что в одном из ограбленных погребений апарнского круга — в кургане 1 урочища Кизыл-Чешме в подгорной полосе Копет-Дага (раскопки А. А. Марущенко) — было найдено золото в виде золотых нитей, украшавших предметы одежды и обуви (с. 230, примеч. 279), что, в свою очередь, может указывать на элитный характер данного захоронения. Добавим, что в кургане 3 урочища Хас-Кяриз с мужским погребением было найдено дорогостоящее железное вооружение: длинный меч, кинжал и наконечники стрел (раскопки А. А. Марущенко)⁹. Другими словами, там несомненно был похоронен представитель привилегированного воинского сословия апарнского общества.

Если говорить о мелких недостатках рецензируемой работы, то можно указать на то, что некоторые из постраничных ссылок в ее тексте содержат слишком много текста. Например, примеч. 215 занимает в целом более

⁹ *Марущенко А. А.* Курганные погребения сарматского времени в подгорной полосе Южного Туркменистана // Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР. Т. V. Ашхабад, 1959. С. 114–115, табл. VII, 2–4.

одной страницы (с. 192–193), причем оно представляет собой изложение важной дискуссии, место которой явно в основном тексте.

Неоднократно диссертант именует воинов птолемеевского Египта египтянами (с. 149, 212, 222, 302, 371), что с историко-культурной точки зрения выглядит некорректным. Дело в том, в армии Птолемеев служили как колонисты греко-македонского происхождения, так и представители автохтонного населения Египта, и только этих последних правильно называть египтянами. Не будем забывать, что сами Птолемеи с самого начала и до последних дней династии гордо носили в своей титулатуре этноним «Македонец», а не «Египтянин».

Как и в случае с достоинствами и творческими достижениями диссертации А. С. Балахванцева, список ее недостатков — как значительных, так и не очень — мог бы быть продолжен. Однако даже это вовсе не умаляет общего положительного впечатления от работы в целом. Многие высказанные здесь критические замечания и нарекания объясняются состоянием источниковой базы, зачастую не позволяющей более или менее убедительно трактовать отдельные эпизоды и связанные с ними события политической истории ранней Парфии. Несомненно, диссертант проделал очень значительный объем работы, проявив при этом большой исследовательский талант. Его труд, написанный в весьма живой и образной манере, представляет собой самостоятельное и законченное научное сочинение, в котором автор предложил как новые подходы к изучаемым историческим явлениям, так и широкий спектр свежих взглядов и предположений, что, в свою очередь, должно заставить других ученых переосмыслить многие уже казалось бы устоявшиеся взгляды на раннепарфянскую историю. Диссертация А. С. Балахванцева, уже опубликованная в виде монографии¹⁰, безусловно, займет свое достойное

¹⁰ Балахванцев А. С. Политическая история ранней Парфии. М., 2017.

место в ряду важнейших исследований по истории Парфянского государства.

Материалы диссертации отражены в 66 публикациях автора, в том числе в четырех монографиях (включая три коллективные), 24 статьях, опубликованных в ведущих научных рецензируемых изданиях, 16 статьях в российских и зарубежных изданиях, а также в 22 тезисах и заметках. Автореферат полностью соответствует содержанию диссертации. Диссертационное исследование Балахванцева Арчила Савелича «Политическая история ранней Парфии» отвечает требованиям части 2 пункта 9 «Положения о присуждении ученых степеней», предъявляемым к докторским диссертациям, а ее автор заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.03 — Всеобщая история (Древний мир).

Отзыв подготовлен кандидатом исторических наук, старшим научным сотрудником Никоноровым Валерием Павловичем и обсужден на заседании Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры РАН 25 мая 2018 г., протокол № 16.

Заведующий Отделом археологии

Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН

Алёкшин В. А.

Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки «Институт истории материальной
культуры Российской Академии наук»

Адрес: Дворцовая наб., д. 18, 191186, г. Санкт-Петербург

Телефон: +7 (812) 5715092

Email: admin@archo.ru

